

Шедяков Владимир Евгеньевич

Укрепление внешнего контура народовластия – условие эффективного участия в международной жизни

УДК 32.01:323.1

DOI <https://doi.org/10.24195/2414-9616-2019-5-81-87>

Шедяков Владимир Евгеньевич
доктор социологических наук,
независимый исследователь

Актуальность проблемы обусловлена ключевым значением повышения уровня творческой активности широких масс населения в развитии и про-социальной реализации своих способностей для подъёма качества общественной жизни. Народовластие – предпосылка роста массива творческого поиска. Долгосрочное же устойчивое развитие предполагает гармонию внутреннего и внешнего контуров народовластия. Предмет исследования – внешний контур народовластия как условие эффективного участия в международной жизни. Цель написания статьи – подведение промежуточных итогов исследования диапазона предпосылок, возможностей, эффективных сил и средств укрепления внешнего контура. Методология проведения работы базируется на сочетании логического и исторического подходов в анализе социально-политических процессов как основы регулятивных воздействий. Информационную базу исследования составляют нормативные акты, отечественные и зарубежные публикации, исследования по вопросам развития как самоорганизации, так и инструментарию сознательного воздействия на социально-политические процессы. Результаты работы – проведен анализ подходов и возможностей / ограничений эффективного воздействия в социально-политические процессы на стратегическом уровне. Предложены пути повышения его продуктивности. Предпосылки переформирования внешнего контура народовластия связаны как с повышением ценности жизни каждого и необходимостью увеличения массива просоциального творчества, так и с изменением международной жизни. Постглобализм меняет расстановку сил и приоритеты как в международной, так и во внутренней политике, выводя субъектность в число определяющих факторов динамики разноуровневых регионов. Чем больше оснований у общества, чем более сложная внутренняя структура, тем она более устойчива в периоды относительных стабильности и изменений, тем более способна к дальнейшему развитию. Поэтому постглобализм как форма взаимодействия культурно-цивилизационных миров включил в себя процессы децентрализации, регионализации и глобализации и стал естественным этапом организации безопасности и развития человечества. Да и в надгосударственном постглобальном структурировании на их принципах образуются возможности во всех сферах жизни. При этом нынешний исторический уровень крайне усложняет организационно-управленческую подготовку деятельности, перенося акценты на стимулирование и обеспечение. В частности, требуется реализации этапов «воспринимать новое для выделения закономерного и случайного, повторяемого и уникального», «обеспечить своевременные приток и обработку информации как предпосылку знания», «знать, чтобы понимать», «понимать для осознанных принятия и осуществления решений».

Ключевые слова: народный суверенитет, народовластие, внешний контур, международная жизнь, международные отношения.

*И стали князья про малое «это Великое»
молвить и стали сами себе беды ковать,
а поганые со всех сторон приходили
с победами на землю Русскую...
Слово о полку Игореве*

Вступление. Стать активными строителями будущего ныне можно только при отстаивании суверенитета (в частности, экономического), прежде всего, при обеспечении ситуации, при которой сохраняется возможность самостоятельного принятия решения в своих коренных интересах. Напротив, откат от органического общественного народовластия часто коррелирует с поиском внешнего управления. Достижение устойчивого социально-экономического развития требует его органичности, гармоничности, сбалансированности. Всё это предполагает защиту базовых ценностно-смысловых комплексов своего культурно-

цивилизационного мира, имеющих не только утилитарно-прагматические, но и мировоззренческие функции, соответственно, – как фундаментальные, так и актуальные слои. При этом верность прошлому совсем не препятствует, а, напротив, укрепляет фундамент будущего. Вместе с тем, изменение форм стратегической культуры проведения преобразований – естественное условие готовности к участию в гиперконкуренции при «стабильной нестабильности» обстановки. Т.о. культивирование новых организационных форм прямо коррелирует с прочностью фундаментальных основ взаимодействий.

Определение цели. Эффективно и в глубинных интересах народа осваивать новые тенденции, участвовать в «сборке будущего» можно лишь при максимальном расширении поля развития и творческой просоциальной реализации дарований каждого человека. Однако, защита и укрепление народовластия как фундамента повышения массива творчества народа имеет два отчётливо выступающих контура: внешний и внутренний. **Цель** статьи – подведение промежуточных итогов исследования предпосылок, диапазона эффективных сил и средств укрепления внешнего контура.

Методологические основы исследования. Проведённое исследование базируется также, во-первых, на характеристике вектора изменений международных отношений Ж. Алфёровым, Э. Бабиным, У. Беком, Г. Бехманном, А. Богатуровым, А. Бузгалиным, В. Букреевым, А. Бутенко, В. Вазюлиным, И. Валлерстайном, В. Гецеце, Э. Гидденсом, С. Глазьевым, Л. Градобитовой, А. Гринспеном, А. Громыко, А. Дугиным, А. Зиновьевым, А. Иголкиным, Э. Ильенковым, Д. Калайчем, С. Карагановым, М. Кастельсом, А. Киреевым, А. Коробкиным, Н. Косолаповым, С. Кургиняном, Дж. Куртом, Х. Маккиндером, Л. Максимовой, С. Михеевым, В. Мотылёвым, И. Носковой, К. Овчинниковым, А. и И. Панариными, С. Платоновым, В. Пякиным, В. Рыбалкиным, А. Семченко, Н. Стариковым, М. Смитом, Б. Супруновичем, Р. Хасбулатовым, К. Хаусхофером, С. Хелемендиком, М. Хрусталёвым, Н. Черкасовой, К. Шмиттом, во-вторых, на выделении основных черт новых тенденций общественной жизни Е. Авдокушиным, С. Бартеневым, А. Белорусовым, Е. Брагиной, А. Булатовым, В. Виноградовым, Р. Волковым, Э. Гэмблом, М. Делягиным, В. Дрожжиновым, Ю. Дроздовым, В. Ефимовым, В. Железновой, Л. Ивашовым, М. Ильиным, В. Иноземцевым, Е. Касаткиной, В. Колесовым, М. Лебедевой, А. Ляменковым, М. Маляровой, М. Осьмовой, В. Паньковым, С. Пенкиной, В. Пресняковым, В. Роговым, Б. Сандерсом, В. и Н. Сапичами, К. Семёновым, Е. Талызиной, П. Цыганковым, В. Чекуровым, в-третьих, на анализе возможностей продуктивного регулятивного воздействия на них и применения появляющихся инноваций Дж. Гэлбрейтом, С. Кара-Мурзой, В. Катасоновым, А. Колгановым, С. Кравченко, С. Переслегиным, К. Петровым, В. Сагатовским, Б. Сандерсом, Е. Спицыным, С. Ураловым, Дж. Урри, П. Фейерабеном, Ж. Фреско, А. Фурсовым, М. Хазиным.

Результаты. Существование требований к внешнему контуру народовластия как предпосылке и условию эффективного участия в международной жизни, в частности – многоуровневом обмене, заметно меняется. Выпукло проступившие черты новой парадигмы, позволяющие применять понятия: «информационных», «риска», «знания»,

«познания» – общества и экономики вынуждают акцентировать функции, связанные с созданием, переработкой, распространением, использованием знания. Вместе с тем, борьба подходов – фактор развития; безволие, отсутствие мощного Сверхпроекта – признак угасания творческой инициативы народа. Притом кроме открытых военно-силовых противостояний: прямых и опосредованных – широко применяем арсенал всего диапазона средств (экономическая блокада, информационное давление, гуманитарная интервенция, подкуп элит и проч.). Дополнительные возможности при глобальном переходе к условиям гиперконкуренции получают умеющие защитить приоритетность развития и реализации исторического творчества в интересах своего культурно-цивилизационного мира, предотвратить деморализацию и разложение общества [2–5].

Потенциал устойчивости и развития при участии в интеграционных процессах постглобального уровня и качества во многом обеспечивается разнообразием моделей жизнеустройства и сочетанием освоения новейших укладов с выращиванием инновационных форм базовыми ценностно-смысловыми комплексами. Так, если Модерн приучил к оптимизации развития за счёт унификации модели жизнедеятельности, то разнообразие черт постмодерна (соответственно, постглобальности, постиндустриальности и т.д.) ориентирует на принципиальное несовпадение подходов. Теперь конкуренция культурно-цивилизационных миров – это состязание моделей, сил и средств: чем выше своеобразие, тем легче и полнее можно учесть особенности своих условий, среды, ценностно-смысловых комплексов, ментальных матриц, наращивая конкурентные преимущества и сокращая роковые риски. При том происходят изменения не только отдельных социальных институтов, но и самих комплексных моделей жизнедеятельности и развития, отношений и структур [1; 6].

Между тем, повышение как интенсивности международных коммуникаций, так и степени взаимозависимости происходит при сложном переплетении трансформационных тенденций, в которых побеждают черты постглобализма. Вместе с тем, соотношение аспектов (в т.ч. социальных и индивидуальных) конкурентоспособности для культурно-цивилизационных миров различно и подвижно. Причём стрела истории летит все быстрее: трансформации все стремительнее. Принимать решения в нестандартных условиях приходится в крайне ограниченный промежуток времени. И именно периоды максимального нарастания разгула не только природных, но и социальных стихий содержат потенциал катастрофического слома равновесия и разрушения гармоничного состояния общественного баланса. Угасание же важнейших признаков социальности коррелирует

с назревaniem социальных катаклизмов стратегического значения (по некоторым наблюдениям, тесно связанных с природными). Соответственно, сейчас научной методологией обоснована неэффективность для принятия и осуществления стратегий получения «разорванных» знаний о ситуации, когда её разные стороны изучаются изолированно друг от друга, а теоретический синтез для создания представления на основе полученных по-отдельности знаний о нём откладывается на время после осмысления и систематизации аналитиком. Следовательно, необходимо изменить традиционный подход научных исследований и требования к обработке и организации полученного стратегического уровня знания. А методы, развитые в одной сфере деятельности, могут эффективно применяться в совсем другой: существует множество форм рациональности, которые не сводятся друг к другу. Применение же в подготовке и осуществлении управленческих композиций методологии позволяет отделить главное от второстепенного, закономерное от случайного, обеспечивая правильное понимание сути процессов и тенденций, а также точную оценку возможности воздействия на них с прогнозируемым результатом. Напротив, «простенькая» наука результативной может оказаться лишь ситуационно, сбиваясь на общеизвестные факты и предлагая нехитрые стратегии. Итак, большое значение для проведения стратегического анализа имеет организация мышления, его настройка на операционном, наглядном и собственно рефлексии уровнях. Рефлексия как осмысление субъектом собственной поисковой активности является основой зрелой методологии. Именно кардинальная разница между сознанием научным (рефлексивным) и различными вариантами донаучного позволяет реагировать на причины явлений и на процессы, а не их проявления. Основными ориентирами здесь выступают три уровня существования: прошлое (предыдущие состояния), будущее (направление развития) и настоящего (функционирования), которое возникает постоянно меняющимся моментом между прошлым и будущим.

Использование же разнонаправленных сил и социетальных возможностей может предусматривать ориентацию на гибкое сочетание ресурсов социальной действительности и механизмов мягкой и жёсткой власти в рамках «smart power» (разумной власти) с применением диапазона действий, прямо не направленных исключительно на борьбу за голоса. В этой ситуации для успешного проведения своей очередной модернизации и использования социального творчества как её важнейшего фактора, регион должен культивировать механизмы не «обязывать», а направлять, заинтересовывать. Так, для организации форм творческой активности необходимо определиться

с её направленностью, каналами, объектами и субъектами. В этой ситуации для успеха не обязательно каждый раз нужен новый проект; люди, готовые к участию в нём; соответствующая организационная структура. Необходимость перехода от привычного ранее администрирования к инновационно-синергетического управления ведет при этом к замене «жёстких» социальных технологий «мягкими». Однако «мягкое» влияние предполагает признание субъективности, неполноты и внутренней ограниченности представлений каждого. Организация эффективного применения технологий «мягкого» воздействия требует адекватной логистики, готовой к оперированию за счёт бесструктурного управления и внеинституциональных форм. При этом даже ситуативное воздействие, основанное, в частности, на реакции на слабopедсказуемые социетальные изменения, должно включать заранее разработанные и подготовленные модели воздействия [7–10].

Вместе с тем, применение арсенала мягкого управления (прежде всего, стимулирования) оказывается необходимым условием использования на индивидуальном и социальном уровнях умственных / интеллектуальных задатков, перерастания их в общественно значимые способности человеческого разума. Однако, растущие возможности регулятивного воздействия могут быть в решающий момент преломлены в силы и средства манипулирования. Соответственно, кардинально важным в период форсированных преобразований международных экономических отношений становится обстоятельство, кто и в чьих интересах будет осуществлять перемены. В частности, будут ли они происходить в коренных интересах народов мира или же транснациональных корыстно-олигархических кланов. Причём уже ближайшие годы могут стать критическими, решающими в определении архитектуры и вектора трансформаций ойкумены, когда в обострившейся стратегической конкуренции культурно-цивилизационных миров определится «удельный вес» и «место» каждого из них, уровень и образ жизни людей в нём. Между тем, политика лидеров отнюдь не всегда дотягивает до нравственности народа, формируемых им представлений о должном. Способность народа к политико-экономической самоорганизации имеет свойство становиться неременным условием качественной реализации прочих направлений его творческой активности. Соответственно, создание и развитие механизмов реализации народного суверенитета относится к числу приоритетов структурирования общественной организации. Отстаивание своей самобытности – условие не только успеха, но и просто выживания. Напротив, формирование социально-политической культуры инфантилизма и иждивенчества, ожидания «манны небесной»

ведёт к угодничеству перед сильными в данный момент и предательству коренных интересов народа.

Качество стратегического управления в период форсированных трансформаций способно оказаться в итоге решающим фактором преобразований. Изменению геостратегического регионального позиционирования при межпарадигмальном переходе всегда сопутствует усиление социально-экономической неупорядоченности, хаотичности. Эффективное управление хаосом при этом предполагает приоритетность гибкости, включения стимулирования желательных поведения, событий и процессов, поддержания баланса между техникой перемен, тактикой действий, стратегией и мегастратегией трансформаций. Усиление тенденций постглобализации политического состояния ойкумены сопряжено с перестройкой как устоявшейся практики международных отношений, так и привычных представлений о нормативном мироустройстве. Полиструктура мирохозяйственных связей, основанная на выработанных и взаимоприемлемых нормативах отношений, а вовсе не блок из идентичных атомов-элементов, определяет вид постглобального структурирования. Возникновение новых систем сдержек и противовесов происходит через сонмы конфликтов (включая и прокси-противостояния). Фавориты прежнего мироустройства не готовы упустить выгоду от распоряжения чужими ресурсами. Их усилия законсервировать уходящие реалии нарастают. За сохранение же остатков прежнего порядка, навеянных в условиях глобализма практических шаблонов и теоретических штампов, ойкумена расплачивается не только страданиями и обесмысливанием жизни человека, порой проходящей в бессмысленной гонке за уровнем комфорта и потребительства, но и бесконечными конфликтами и войнами, имманентными уходящей модели жизнедеятельности. Условия «гиперконкуренции», широкое использование как экономических, так и неэкономических методов давления вынуждают к усилению внешнего контура народовластия, в частности – возрождению черт протекционизма, приоритетной опоре на эндогенные модели развития. Консолидация же созидательных усилий требует согласия членов с базовыми принципами и механизмами, действующими в нём, что создаёт предпосылки укрепления взаимодействия с достаточно постоянными партнёрами, где политический быт переплетен с социокультурным.

Системный мировой экономический кризис начала XXI века – тоже проявление общего кризиса доминантной формы индустриализма, однако, её преодоление требует учёта постиндустриальных перспектив экономики знания, а также диапазона её возможностей. Как показывает анализ исторического опыта и его сравнение с фор-

мированием черт постсовременности, обещанная либеральным капитализмом эмансипация личности оборачивается высвобождением животных инстинктов с утратой наиболее ценного – высокого созидательного порыва модерна (связанного с протестантской этикой, верностью долгу, напряжённым трудом и т.п.). Постмодерн же как модель переходного периода к новой парадигме жизнедеятельности в мириадах развилок повседневных решений содержит противоборство стратегий будущего, где активно состязаются векторы надгосударственные и государственно-ориентированные. Диапазон исторического Выбора в это время крайне широк: от нового модерна вплоть до срыва в контрмодерн. Соответственно, рождается комплекс проблем по обеспечению взаимодействия в условиях «стабильной нестабильности», когда может «проснуться», открыв решающее направление развития и как внутреннего, так и внешнего воздействия любая почка «ризомы». Способность к устойчивости и изменению культурно-цивилизационных миров во многом определяется сплетённостью (в частности, под влиянием исторического опыта, социокультурного наследия и ментальных матриц народа) объективных и субъективных факторов структурирования, формирующих разнокачественные обратные связи и отношение к творчеству (индивидуальному и массовому, в труде и управлении). Контрмодерн – модели постмодерного доминирования регресса с его чертами: деиндустриализацией, откатом в сфере культуры, падением уровня образования и т.д. Срыв постмодерна как модели развития в контрмодерн как вариант деградации включает деградацию самой структуры общественных изменений, способа производства общественной жизнедеятельности.

Уже очевидно, что если прежнее устройство поддерживалось управлением Запада (с XX века – во главе с США), то новое формируется сетью региональных лидеров, ныне группирующихся вокруг Китая. Потенциал устойчивости и развития при участии в интеграционных процессах постглобального уровня и качества во многом обеспечивается разнообразием моделей жизнеустройства и сочетанием освоения новейших укладов с выращиванием инновационных форм базовыми ценностно-смысловыми комплексами. Да и сама региональная многоуровневость делает их амортизаторами и балансёрами разнообразных образований. Взлёт просоциального высвобождения творческого потенциала населения требует привлечения постсовременного уровня стимулирования, не только предполагающего мотивирование всеми условиями деятельности, но и тесно вовлекающими в этот процесс вечевые, общинные резервы народовластия и, следовательно, закрепления дальнейшей децентрализации и регионализации общественной жизни. Между

тем, субъектность трансформаций во многом предопределяет характер, вектор и темпы изменений. Перемены перенимают черты от своих акторов. С одной стороны, новая эпоха создаёт условия для развёртывания свободы, разнообразия, диалога. С другой стороны, если отпущенные временем возможности будут утрачены, тем самым будут безвозвратно ограничены возможности последующего исторического развития. Выход за границы привычного «коридора свободы» может обернуться вовсе не прорывом к новым перспективам реализации свободы, равенства и братства, но и возвращением к социальному каннибализму и варварству «права силы», неокOLONиализму (в т.ч. посредством насаждения удобных себе культурных стандартов). Расширение зоны нестабильности требует умения обеспечивать в новой реальности реализацию глубинных интересов и базовых ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира, в частности – сдерживать попытки разрушения государства, социальных устоев и политического уклада общества, тесно связанных с образовательной, религиозной, этнической системами.

Непререкаемая ценность как норм международного права, так и государственного суверенитета сохраняет их понимание как отправных принципов глобального мироустройства, закрепляясь в отстаивании равноправия стран и уникальности каждой из них. Индивидуальный и общественный инфантилизм особенно опасен в условиях, повседневно и регулярно ставящих каждого перед выбором. Вместо предопределённости от рождения жизненного пути – противоречивые сплетения разных логик и фрагменты многослойных ресурсно-методических баз. Обретение смысла – в том, чтобы посвятить жизнь главной цели (ради которой можно пожертвовать многим), но не забывая и обо всём дереве целей. Вместе с тем, культура социально-политического постмодерна открывает широчайшие перспективы для желающих отстаивать свой выбор. Характеристика возникающего «большого общества» как «познающего» переносит акценты в обеспечении суверенитета на научно-образовательные уровни и интеллектоёмкие производства, отличающиеся как ценностями и мотивами участников, так и их социально-политической культурой. Место общественной предрасположенности к отчуждённому канону и индивидуального порыва к творчеству ныне заняла общественная потребность в творчестве, дополняемая индивидуальной склонностью к бегству от сложностей свободы.

Вместе с тем, богатство бывших метрополий по «чистоте» своего происхождения крайне уязвимо: его легитимность серьёзно подрывается веками ограбления колоний и зависимых государств. Полиструктура мирохозяйственных свя-

зей, основанная на выработанных и взаимоприемлемых нормативах отношений, а вовсе не блок из идентичных атомов-элементов, определяет вид постмодернистской действительности. При этом ни одна система ценностей больше уже не может рассматриваться как единственно прогрессивная для человечества, тем более – насильно навязываться прочим. Развитие разнообразия в качестве важнейшего средства добровольной интеграции человека в общества путём обмена способностями и взаиморазвития личностей и свободной кооперации стран без попыток давления одной из них (государств, их альянсов или сетей). Это естественно: органическое (а не механическое, как в классическом примере с картофелинами в мешке) взаимодействие связывает различающиеся и потому взаимодополняющие друг друга сущности. В этом контексте нуждается в обновлении и само понятие развития: кроме стабильного и сбалансированного экономического роста, оно должно ориентироваться на такие морально-этические ценности, как солидарность, свобода выбора, невмешательство и терпимость. Попытки культуртрегерства или «обучения демократии» – затеи «вечно вчерашних», имеющие мало общего с развитием общественного богатства культурно-цивилизационных миров, зато споспешествующие курсу неокOLONиальной кабальной зависимости. Вместе с тем, огромное культурно-цивилизационное богатство развивающихся экономик – залог великого вклада в дальнейшее развитие человека и ойкумены как целого, во многом предопределяющее новые рубежи трансформаций. Между тем, обострение конкурентной борьбы между культурно-цивилизационными мирами осуществляется отнюдь не в рамках единственной модели общественного устройства и развития: постсовременная модернизация вовсе не сводится к вестернизации. Наконец, вся система мировых связей ныне переживает состояние, близкое к институциональной неопределённости. При учёте лишь наиболее очевидных связей и механизмов (например, монетарных) из виду упускается широкий спектр реакций общества как социально-политической и социокультурной целостности, подрывается единство и вера в справедливость, разрывается сама социокультурная ткань. Напротив, попытки безудержной апологии своих представлений о либеральной демократии, насильственного внедрения шаблонов рыночного фундаментализма не может не вызывать отторжения и сопротивления. Следует ориентироваться на движение не к «чистому рынку» свободной конкуренции, а именно к пострыночному состоянию хозяйства, которое охватывает формы и принципиально вне-рыночные, и рыночные инверсионные.

Украина щедро наделена стратегическим разнообразием традиций, мировоззрений и подхо-

дов. Для того, чтобы эта ситуация стала дополнительным условием высвобождения творческой активности, а не фактором противостояний, необходимы активная децентрализация и форсированный регионализм, требуется прислушиваться к мнению и воле населения каждого из регионов, всех населяющих народов [11–14]. Вместе с тем, печально для всякой страны, если не умея опереться на собственный потенциал, она не входит органично в какой-либо из центров силы, обрекая себя на участь ресурсного донора. Контрмодерн – модели постмодерного доминирования регресса с его чертами: деиндустриализацией, откатом в сфере культуры, падением уровня образования и т.д. Срыв постмодерна как модели развития в контрмодерн как вариант деградации включает деградацию самой структуры общественных изменений, способа воспроизводства общественной жизнедеятельности. Народы, живущие на территории Украины, когда-то естественным образом сложились в ядро Советского Союза, сформировав его модель. В частности, Украинская ССР участвовала изначально в Союзном Договоре, а затем её представитель занимал место в числе постоянных членов Совета Безопасности ООН. Способность к устойчивости и изменению культурно-цивилизационных миров во многом определяется сплетённостью (в частности, под влиянием исторического опыта, социокультурного наследия и ментальных матриц народа) объективных и субъективных факторов структурирования, формирующих как разнокачественные обратные связи и отношение к творчеству (индивидуальному и массовому, в труде и управлении), так и регулятивные контуры народовластия.

Выводы. Предпосылки переформирования внешнего контура народовластия связаны как с повышением ценности жизни каждого и необходимостью увеличения массива просоциального творчества, так и с изменением международной жизни. Постглобализм меняет расстановку сил и приоритеты как в международной, так и во внутренней политике, выводя субъектность в число определяющих факторов динамики разноуровневых регионов. Чем больше оснований у общества, чем более сложная внутренняя структура, тем она более устойчива в периоды относительных стабильности и изменений, тем более способна к дальнейшему развитию. Поэтому постглобализм как форма взаимодействия культурно-цивилизационных миров включил в себя процессы децентрализации, регионализации и глобализации и стал естественным этапом организации безопасности и развития человечества. Да и в надгосударственном постглобальном структурировании на его принципах обрастают возможностями во всех сферах жизни.

При этом нынешний исторический уровень крайне усложняет организационно-управленческую подготовку деятельности, перенося акценты на стимулирование и обеспечение. В частности, требуется реализации этапов «воспринимать новое для выделения закономерного и случайного, повторяемого и уникального», «обеспечить своевременные приток и обработку информации как предпосылку знания», «знать, чтобы понимать», «понимать для осознанных принятия и осуществления решений».

Осуществление дальнейших научных исследований в этой сфере требует, на наш взгляд, приоритетного анализа условий адекватности политического творчества условиям и требованиям эпохи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев И.А., Пугачёв В.А. Власть и экспертиза в сетевом обществе: проблемы и перспективы. *Власть*. 2005. № 11. С. 35–39.
2. Грант Р. Современный стратегический анализ. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 560 с.
3. Линдгрэн М., Бандхольд Х.. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией. Москва : Олимп – Бизнес, 2009. 256 с.
4. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. Москва : Ин-т Гайдара, 2011. 472 с.
5. Ожиганов Э.Н. Стратегический анализ политики. Москва : Аспект Пресс, 2006. 272 с.
6. Срничек Н. Капитализм платформ. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
7. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. Москва : Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
8. Шедяков В.Е. Геостратегические трансформации как политико-экономическая среда организационных изменений. *Проблеми системного підходу в економіці*. 2019. № 1 (69). Ч. 1. С. 16–24.
9. Шедяков В.Е. (Пост)модерн – переход к политической культуре общества знания или контрмодерна? *Politicus*. 2018. Вип. 1. С. 88–94.
10. Gamble A. Crisis Without End? The Unravelling of Western Prosperity. UK : Palgrave Macmillan, 2014. 240 p.
11. Shedyakov V. Creation and realization of organizational-management strategy during paradigm transformation. Organizational-economic mechanism of management innovative development of economic entities / ed. by M. Bezpartochnyi. Przeworsk : WSSG, 2019. Vol. 3. P. 345–364.
12. Shedyakov V. Social technologies and communications: basic trends of changes. Scientific Development of New Eastern Europe: Proceed. of Intern. Scient. Conf. Riga, April 6th, 2019. Part I. P. 128–130.
13. Urry, J. (2000). *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. London and New York: Routledge. 1st ed. 268 p.
14. Wallerstein I. *World-Systems Analysis. An Introduction*. Durham and London: Duke University Press, 2004. 110 p.

REFERENCES:

1. Afanas'ev, I.A., Pugachev, V.A. (2005). Vlast' i ekspertiza v setevom obshchestve: problemy i perspektivy Vlast'. No 11. S. 35–39. [Power and expertise in a networked society: problems and prospects]. Power, no. 11, pp. 35–39. [in Russian].
2. Grant, R. (2008). Sovremennyy strategicheskyy analiz [Modern strategic analysis]. Sankt-Peterburg: Piter, 560 s. [in Russian].
3. Lindgren, M., Bandkhol'd, Kh. (2009). Stsenarnoe planirovanie. Svyaz' mezhdru budushchim i strategiy [Scenario planning. The relationship between future and strategy]. Moskva: Olimp – Biznes, 256 s. [in Russian].
4. Malgan, Dzh. (2011). Iskusstvo gosudarstvennoy strategii: Mobilizatsiya vlasti i znaniya vo imya vseobshchego blaga [Art of the state strategy: Mobilizing power and knowledge for the common good]. Moskva: In-t Gaydara, 472 s. [in Russian].
5. Ozhiganov, E.N. (2006). Strategicheskyy analiz politiki [Strategic Policy Analysis]. Moskva: Aspekt Press, 272 s. [in Russian].
6. Srnichek, N. (2019). Kapitalizm platform [Capitalism of platforms]. Moskva: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 128 s. [in Russian].
7. Khantington, S. (2004). Politicheskyy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh [Political Order in Changing Societies]. Moskva: Progress-Traditsiya, 480 s. [in Russian].
8. Shedyakov, V.E. (2019). Geostrategicheskie transformatsii kak politico-ekonomicheskaya sreda organizatsionnyh izmenenii [Geostrategic transformations as a political and economic environment of organizational changes]. Problemy sistemnogo pidothu v ekonomitci, no. 1 (69). ch. 1, pp. 16–24. [in Russian].
9. Shedyakov, V.E. (2018). (Post)modern – perekhod k politicheskoy kul'ture obshchestva znaniya ili kontrmoderna? [(Post) modern - a transition to the political culture of a knowledge society or counter-modern?] Politicus, vyp. 1, pp. 88–94. [in Russian].
10. Gamble, A. (2014). Crisis Without End? The Unravelling of Western Prosperity. UK: Palgrave Macmillan, 240 p.
11. Shedyakov, V. (2019). Creation and realization of organizational-management strategy during paradigm transformation. Organizational-economic mechanism of management innovative development of economic entities / ed. by M. Bezpartochnyi. Przeworsk: WSSG, vol. 3, pp. 345–364.
12. Shedyakov, V. (2019). Social technologies and communications: basic trends of changes. Scientific Development of New Eastern Europe: Proceed. of Intern. Scient. Conf. Riga, April 6th, part I, pp. 128–130.
13. Urry, J. (2000). Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. London and New York: Routledge, 268 p.
14. Wallerstein, I. (2004). World-Systems Analysis. An Introduction. Durham and London: Duke University Press, 110 p.

Strengthening of the external contour of democracy is a condition for effective participation in international life

Shediakov Volodymyr Yevhenovych

Dr. Sc. (Sociology), free-lance (Kyiv)

The urgency of the problem is due to the key importance of increasing the level of creative activity of the broad masses of the population in the development and pro-social realization of their abilities to improve the quality of public life. Power of people is a ground of massif of creative search's increasing. Long-term sustainable development presupposes the harmony of the internal and external contours of democracy. The subject of the study is the external contour of democracy as a condition for effective participation in international life. The purpose of this article is to summarize the intermediate results of the study of the range of premises, the possibilities, effective forces and means of strengthening the external contour. The methodology of the work is based on a combination of logical and historical approaches in the analysis of socio-political processes as the basis of regulatory influences. The information base of the study is constituted by regulatory acts, domestic and foreign publications, studies on the development of both self-organization and tools of conscious influence on socio-political processes. Results of work are the analysis of approaches and opportunities / limitations of effective impact in socio-political processes at a strategic level. Ways to increase its productivity are proposed. The prerequisites for the reformation of the external contour of democracy are connected both with an increase in the value of life for everyone and the need to increase the array of pro-social creativity, and with a change in international life. Post-globalism is changing the balance of power and priorities in both international and domestic politics, putting subjectivity among the determining factors in the dynamics of different levels of regions. The more grounds society has, the more complex the internal structure, the more stable it is during periods of relative stability and change, the more capable of further development. Therefore, post-globalism as a form of interaction between cultural and civilizational worlds included the processes of decentralization, regionalization and globalization and became a natural stage in the organization of security and the development of mankind. Yes, and in supranational post-global structuring, on their principles are overgrown with opportunities in all spheres of life. At the same time, the current historical level extremely complicates the organizational and managerial preparation of activities, shifting the emphasis to stimulation and provision. In particular, it is required to implement the steps "to perceive the new to highlight regular and random, repeatable and unique", "to ensure timely inflow and processing of information as a prerequisite for knowledge", "to know in order to understand", "to understand for conscious decision-making and realization".

Key words: popular sovereignty, democracy, external contour, international life, international relations.